

Казахстан: почему и как людей, не совершавших актов насилия, приговаривают к реальным тюремным срокам.

По данным комитета по правовой статистике и специальным учетам генеральной прокуратуры в течение 2009-2017 годов казахстанские суды признали экстремистскими и террористическими, а также запрещёнными к распространению на территории страны 727 наименований информационных материалов; из них экстремистскими признано 695, террористическими – 32. Кроме того, по статьям 174 («Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни») и 256 («Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма с использованием средств массовой информации или сетей телекоммуникаций») Уголовного кодекса за последние годы, с 2015 по 2017, осудили всего 205 человек. Из них 69 получили срок по 174 статье, 136 – по 256-й. Чаще всего, как считают эксперты, по таким статьям судят мусульман – сторонников, как считают власти, нетрадиционных для страны течений и школ (мазхабов); однако, среди осуждённых есть и люди, высказывавшие свою политическую точку зрения или атеистические взгляды. Специальный корреспондент Власти разбирался, почему и как людей, не совершавших актов насилия, приговаривают к реальным тюремным срокам.

«У одного жёлтая карточка была, а судья вынес приговор»

В 2009 году Аблайхан Чалимбаев переехал в село Коктал Алматинской области, где он сам построил дом для себя и своей семьи – жены и пятерых детей. В то время он, профессиональный электросварщик, работал индивидуально, выполнял заказы. Вскоре его арестовали, и обвинили в «пропаганде терроризма», «возбуждении религиозной розни», «антиконституционных призывах» и в «незаконном хранении боеприпасов». В 2011 году Чалимбаева приговорили к пяти годам тюрьмы. На свободу он вышел в 2016 году. Жена ушла от него, забрав детей, на работу его не берут. Более того, Чалимбаев, по его словам, внесенный в «черный список», не может даже купить билет на самолет или поезд, чтобы съездить на заработки: он живет с сестрой-инвалидом и пожилой матерью в селе Чапай, где работы не так уж и много.

Началась эта история в начале 2000-х, когда Чалимбаев, живший тогда в микрорайоне Калкаман, начал ходить на пятничный намаз в тастакскую мечеть. Затем, с 2004 года, он на протяжении полутора лет регулярно посещал учебный центр «Аль-Баракат», где учился читать намаз. В 2010 году он стал обладателем шести томов книги «Толкование Священного Корана» (ее автор — Абд ар-Рахман бин Насир ас-Саади, на русский язык она переведена Эльмиром Кулиевым – V). Первые три тома он получил в «Аль-Баракате», остальные докупил самостоятельно. Он поднаторел в знаниях об исламе, и его соседи, когда он уже переехал в село Коктал, начали его посещать. За чаем, по словам Чалимбаева, он давал им разъяснения по тем или иным религиозным вопросам, опираясь на книгу ас-Саади. Нигде за пределами собственного дома Чалимбаев ничего по этой теме не говорил, и отсюда он делает вывод, что двое из регулярных слушателей были сотрудниками спецслужб. О том, что книга ас-Саади запрещена, Чалимбаев не знал. Обвинение в хранении боеприпасов он отрицает, говорит, что их ему подкинули.

В тюрьме, по словам Чалимбаева, он был далеко не единственным, кого посадили по 174 статье (в старой редакции, действовавшей до 2015 года, статья 164 – V). «В общем, по религии там сидело где-то 25 человек. В основном вот за эту якобы пропаганду, по 174. По 174 в основном сидели ребята из «Хизб ут-Тахрир». У одного жёлтая карточка была, а судья вынес приговор, в котором указал, что во время совершения преступления, он был в здравии. Хотя по УК, у кого психика нарушена, эти статьи не применяются. Мы в одном бараке с ним сидели», - вспоминает Чалимбаев.

В этом году другой мусульманин, выпускник исламского университета Медины (Саудовская Аравия), Куаныш Башпаев получил 4,5 года лишения свободы. Его приговорили по статье в старой редакции, иначе он бы сел на 7 лет: наказание за нарушение этой статьи закона ужесточили. По словам руководителя общественного центра экспертиз фонда «Адил соз» Галии Аженовой, занимающегося вопросом свободы слова, наказания за так называемое «возбуждение розни» в Казахстане – слишком суровое. Тем более, в отдельных случаях, когда явного возбуждения розни нет, что, согласно мировым стандартам, необходимо, чтобы говорить о какой-либо ответственности человека. «Чтобы возбуждать рознь, надо, чтобы эта самая рознь имела место. То есть должен быть вопрос, ситуация, которую можно усугубить. Призыв должен быть явным, целенаправленным. Это должен быть призыв к агрессивным, немедленным разрушительным действиям. К нарушению законов. Он должен характеризоваться. Допустим, к примеру, кто-то говорит: условная группа людей – «в» - плохие, потому-то потому-то. Они в прошлом себя показали так-то. С ним раньше поступали так-то. И это, мол, правильно. Понимаете? Есть четкие критерии по которым можно оценить была ли вообще рознь», - говорит Аженова.

Комментируя дело Башпаева, она приводит выдержки из его текста «О, мусульманин, оставь празднование Нового года!»:

«Воистину, те кому вы поклоняетесь вместо Аллаха, этим идолам и этим истуканам (речь о Деде Морозе – V), вы измышляете ложь тем самым когда делаете это, воистину те, кому вы поклоняетесь вместо Аллаха, не владеют для вас никаким рыском (рыск – средства, за счет которых существует человек и которые, согласно Исламу, дает Аллах – V), никаким пропитанием, никаким уделом для вас они не владеют и ничто они вам даровать не смогут»;

«Только у одного Аллаха ищите ... рыск, только у одного Аллаха ищите ... рыск»; «и поклоняйтесь ему»; «и только его благодарите»; «к нему вы завтра возвратитесь».

«Мусульмане, недавно был айт намаз, поклонялись одному Аллаху, резали жертвы Аллаху, обращались с мольбами к Аллаху, прошло немного времени, наступает Новый год, забыли свою религию, забыли, что такое Ислам, забыли что такое Ля Илиха Илляллах...»;

Правозащитник ссылается на проведенный специалистом анализ текста, по которому смысл и его направленность «заключается в информировании адресата о нарушении мусульманами такого предписания ислама, как вера в Аллаха (единобожие), и воздействии на него с целью предостережения адресата от возможного нарушения этого постулата и тем самым его укрепления и в целом – с целью защиты истинных ценностей ислама». Большой вопрос, считает Аженова, есть ли здесь экстремизм; но, добавляет она, подобного рода спорные приговоры тоже, увы, стали нормой.

Другой яркий пример – дело павлодарца Руслана Гинатуллина, который осенью 2016 года разместил у себя на странице в социальной сети «ВКонтакте» видеоролики, озаглавленные «Украина, война, груз 200» и «Россия. Кто не скачет тот ЧУРКА». Специалисты-лингвисты, очень внимательно и дотошно изучившие видеоролики, пришли к выводу, что Гинатуллин призывал татар и башкир не участвовать в вооруженном конфликте на Донбассе. Галия Аженова цитирует фрагмент заключения специалиста: «По своей смысловой направленности, по коммуникативной цели видеоматериал «Украина. Война. Рамиль – очередной груз 200» содержит речевой акт предостережения молодых людей, едущих на войну в Донбасс, от участия в этом военном конфликте. По сути, этот информационный материал является антивоенным видеороликом, в котором его автор делает попытку предостеречь молодых людей от участия в военном конфликте и определенным образом повлиять на его ход, остановить конфликт».

Аженова считает, что такого рода казусы, которые приводят к реальным тюремным срокам, не в последнюю очередь стали возможны из-за некачественной экспертизы. «Обвинительные

приговоры в большинстве случаев стали возможны в силу перекалывания судьями ответственности на плечи экспертов по конфликтным текстам. По процедуре следователь или дознаватель возбуждает уголовное дело по ст.174 УК РК, собирает материалы, обращается за экспертизой в официальный орган — центр экспертиз министерства юстиции, получает результат и доводит дело до суда. Суд в идеале должен тщательно разобраться, изучить все документы, опросить свидетелей, если таковые имеются, внимательно проанализировать экспертизу и на основе закона, материалов дела и собственного убеждения принимать решение о дальнейшей судьбе обвиняемого. Российские ученые применяют термин «наивные» носители языка, в числе которых среди прочих граждан-неспециалистов зачастую выступают также дознаватели и следователи. Они наивно трактуют высказывания, хотя требуется привлечение профессиональных специальных знаний в той области науки, которая занимается языком и речью», - говорит Аженова.

Однако профессионалы, по ее мнению, встречаются не всегда. «Зачастую при проведении экспертного анализа важно, чтобы специалистом или экспертом был человек, у которого есть диплом о получении как минимум специального филологического образования. И не только. У нас, к сожалению, смысл текстов и их направленность, будь это бумажная информация, видео- или аудиотекст, позволяют себе разбирать люди, которые как филологи, наверное, хороши, могут преподавать, знают язык, но научным подходом к тексту, анализом контекста, констатации на самом деле не владеют. У них нет разработок, исследований, печатных научных работ в этом направлении. Отсутствует знание теории судебной экспертизы, методики судебной лингвистической экспертизы. А ведь его (эксперта – V) заключение (называется «экспертиза») – основа для решения судей в наших реалиях. Если во главе угла стоит строгая научность и объективность анализа текста, то эксперту следовало бы семь раз отмерить – прежде чем отрезать. В текстовых экспертизах не должно быть приблизительности. Типа: «при некоторых обстоятельствах может возбуждать рознь, при некоторых – не может», - подчеркивает Аженова.

Как работает контрпропаганда?

Халатный подход, процессуальные нарушения – все это приводит людей в тюрьмы, где они отбывают реальный срок. Тем не менее, некоторые приговоренные, очевидно, хотели бы понять, за что их изолировали от общества. Заместитель председателя Комитета национальной безопасности (КНБ) Нургали Билисбеков, рапортуя о профилактике экстремизма в 2016 году, в апреле 2017-го [заявил](#): «В результате целенаправленной работы склонены к лояльному отношению к ценностям казахстанского общества 70 лидеров и активистов салафитских общин. Сорваны и заблокированы намерения к выезду за границу для участия в боевых действиях на стороне международных террористических организаций 91 гражданин Казахстана. В результате проведенной работы возвращен в страну 81 студент. От выезда в зарубежные теологические заведения отведено 177 человек. В отчетный период на территории страны не допущено совершения 12 террористических и иных насильственных экстремистских акций. Всего за террористический и религиозный экстремизм осуждены 123 радикала».

Однако он также добавил, что «реализация ряда мероприятий программы (по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013-2017 годы – V) показала необходимость совершенствования систем противодействия религиозному экстремизму и терроризму. Проведенный анализ показывает, что динамика вовлечения граждан в деструктивные религиозные течения не снижается. Продолжается процесс радикализации верующих страны. Проблемным остается участок контрпропаганды радикальной идеологии».

Судя по словам Аблайхана Чалимбаева «участок контрпропаганды» оставался проблемным и раньше; то есть этой проблеме, если судить только по примеру Чалимбаева, по меньшей мере, пять лет – именно столько он провел в тюрьме.

По его словам, мусульманские священнослужители, имамы или теологи, приезжали в тюрьму «иногда раз в месяц, но обычно реже, раз в три месяца». И, кроме того, к тем, кто должен был помогать «экстремистам» встать на верный путь, Чалимбаев не испытывал особого доверия: лекторы давали противоречивую информацию, утверждает он.

«Я последние 3,7 лет сидел в Заречном (колония общего режима ЛА-155/14 в поселке Заречный рядом с городом Алматы – V). Туда приходили с области имамы. С Астаны приезжали теологи – Ерлан Досмагамбетов и Талгат Смагулов. Когда имамы приходили, им задавали вопрос: можно ли слушать лекции, читать книги Ибн Теймийи (исламский ученый, считается салафитом – V). Имамы отвечали категорически: нет. А когда приезжали теологи с Астаны, они говорили, что можно эти книги читать. Потому что теолог приводил примеры и доводы ибн Темийи. Потом один, сославшись на имамов, сказал, что его, ибн Теймию, слушать нельзя. А теолог с Астаны говорит, что имамы в этом случае ошибаются. То есть он сказал обратное», - говорит Чалимбаев.

Он также подчеркивает, что теперь, учитывая свой тюремный опыт, больше не доверяет теологам. Чалимбаев приводит еще один пример, свидетельствующий о противоречивости официальной позиции по поводу того, что есть экстремистский текст. «Я больше не верю теологам. Когда теологи спрашивали нас кто за что сидит, они дошли до меня, и я сказал, что меня взяли за комментарий Ассади. Он (теолог-лектор – V) разозлился, сказал, что его (Ассади – V) комментарии не призывают к терроризму. Я сказал, что где-то может и не призывают, а меня за это посадили», - вспоминает Чалимбаев, добавляя, что он, освободившись, подавал в суд на издателей книги, за которую он был осужден, но дело закрыли.

Сейчас, судя по всему, Чалимбаев стал сторонником либерально-демократических идей и светского патриотизма, он часто ссылается на деятелей «Алаш-Орды» - Ахмета Байтурсынова, Алихана Букейханова и других. И еще он хочет уехать из Казахстана. «Я очень люблю свою страну, - говорит Чалимбаев, - я патриот. Но, поймите, здесь я больше никому не нужен. То, что жена ушла – это ничего, я ее понимаю. Но меня не берут на работу, хотя я умею работать, знаю свое дело. Я ничего не могу купить даже, куда-то уехать по стране... Поэтому задумался об эмиграции. Не знаю, может в Канаду удастся уехать».

«Чрезмерно суровые наказания – ожесточают общество», - говорит правозащитник Аженова. По ее словам необходимо привлекать людей к диалогу, а не сажать их в тюрьмы за слова.

Суд над атеистом

К ответственности по 174 статье привлекают не только мусульман и вообще религиозных людей. В 2013 году правозащитник из Риддера Александр Харламов, который в том году как раз вышел на пенсию, отсидел в тюрьме полгода. Его – атеиста – обвинили в возбуждении религиозной вражды. Руководитель местной правозащитной организации «Секрет-Сервис» опубликовал в интернете статьи, в которых выражал свои атеистические взгляды. Например, он писал (авторский стиль сохранен – V): «Религия, в переводе с латинского языка – предмет культа, т.е. предмет поклонения, мировоззрение, а также соответствующее поведение. Религии основаны на существовании вымышленных – фантастических, сверхъестественных личностей – богов, бога, и прочих фантастических существ – ангелов, демонов и т.п. На вере в существование загробного мира, на вере в существование вечной жизни человека. Источником религиозного сознания является недоразвитость, умственная и интеллектуальная отсталость, невежество, несовершенное образование, воспитание».

В том же тексте он пишет, что, помимо религии, являющейся, по его мнению, проблемой, существует и нечто другое – «циничный атеизм, предметом поклонения которого являются деньги, личное благополучие».

За эти слова он сначала отсидел полгода в тюрьме, а потом, с 2013-го и по сей день, стал и остается объектом негласных следственных действий – его, в частности, имеют право прослушивать. Помимо этого, 66-летний правозащитник находится под подпиской о невыезде. «Я бы, конечно, хотел бы посмотреть Швецию – страну, где построили наиболее нечто более близкое к социализму», – говорит он. Помимо прочего, надо заметить, что атеистические утверждения, которые он озвучивает, были нормой в советских учебных заведениях, в которых он всю жизнь учился.

Экстремистом его также трудно назвать. Александр Харламов говорит, что он не приемлет насилия.

«Я говорю о том, что я создал атеистическое христианство. В христианстве есть течения – католическое, православное и протестантское, основанные на мифологическом восприятии мира. На существовании загробного мира и так далее. Я это отрицаю. Я приемлю только морально-нравственные, этические нормы христианства – не убей, не укради и так далее».

Дело Харламова до сих пор не закрыто.

Что нельзя читать, говорить и писать?

Учитывая, что казахстанцев иной раз сажают за довольно спорные вещи, пожалуй, имеет смысл напомнить, какие статьи Уголовного кодекса предусматривают тюремный срок за те или иные высказывания.

Статья 130. Клевета. За клевету, распространяемую в СМИ или социальных сетях. Наказание: штраф до 2000 МРП, или исправительные работы, или ограничение свободы до 2 лет, или лишение свободы на тот же срок.

Статья 131. Оскорбление, выраженное в неприличной форме. Наказание: штраф до 200 МРП, либо исправительные работы, либо привлечение к общественным работам на срок до 180 часов.

Статья 147. Сбор и распространение личных и семейных тайн, полученных в результате перехвата, взлома или служебного положения. Наказание за сбор личных и семейных тайн: лишение свободы до 5 лет, также может применяться лишение права занимать те или иные должности на срок от 2 до 5 лет. Наказание за распространение личных и семейных тайн: лишение свободы на срок до 7 лет.

Статья 161. Пропаганда или публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Наказание: лишение свободы на срок от 3 до 7 лет, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Статья 174. Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни. Наказание: ограничение свободы на срок от 2 до 7 лет либо лишение свободы на тот же срок.

Статья 179. Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан. Наказание: лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

Статья 180. Пропаганда или публичные призывы к нарушению целостности Республики Казахстан. Наказание: лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

Статья 207. Нарушение работы информационной системы или сетей телекоммуникаций.

Наказание: штраф до 2000 МРП либо исправительные работы в том же размере; также возможно ограничение свободы на срок до 2 лет, лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 2 лет или без такового.

Статья 256. Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма.

Наказание: лишение свободы на срок от 7 до 12 лет с конфискацией имущества.

Статья 274. Распространение заведомо ложной информации. Наказание: штраф в размере до 5000 МРП либо исправительные работы в том же размере; также могут ограничить свободу на срок от 2 до 5 лет, либо лишить свободы на тот же срок.

Статья 373. Публичное оскорбление и иное посягательство на честь и достоинство первого президента Республики Казахстан - лидера нации. Наказание: штраф в размере до 3000 МРП либо исправительные работы; другой вариант – ограничение свободы сроком до 3 лет или лишение свободы на тот же срок.

Статьи 375, 376, 378. Посягательство на честь и достоинство президента, депутата парламента, представителя власти. Наказание: штраф в размере до 3000 МРП либо исправительные работы в том же размере. Также за посягательство на честь президента, парламентария или «представителя власти» могут ограничить свободу сроком до 3 лет, либо лишить свободы на тот же срок.

Кроме того, в Казахстане есть сформированный на основании решений судов список религиозной литературы и информационных материалов, признанных экстремистскими и террористическими, запрещенных к ввозу, изданию и распространению на территории Казахстана. Также есть перечень террористических и экстремистских международных организаций, запрещенных на территории нашей страны. Он регулярно обновляется и размещается на сайте комитета по правовой статистике и специальным учетам генеральной прокуратуры: www.qamqor.gov.kz.

<https://vlast.kz/obsshestvo/25695-istorii-ludej-arestovannyh-za-svoi-vzglady.html>